
Общечеловѣческіе корни идеализма ¹⁾.

Ваше Преосвященство и Глубоко-чтимое Собраніе!

Если Слово Божіе есть живая душа и смыслъ существованія нашей Школы, то слово человѣческое—тѣло ея и условіе жизни. Поэтому, надѣюсь, Вы не посѣтуете на меня, если я, обратившись къ стародавней старинѣ, постараюсь начертать родословную линію нашей Школы, по ея человѣческому содержанію. Вѣдь, какъ для наставниковъ Академіи, такъ и для воспитанниковъ ея христіанство не только не отмѣнило, но и усилило, безконечно углубило заповѣдь о почитаніи родителей. Вспомнить языческихъ своихъ предковъ—это значитъ исполнить христіанскій долгъ въ отношеніи къ нимъ. Начнемъ же съ того, кто является истиннымъ основателемъ Академіи, вдохновителемъ ея и, если примѣнить современное слово,—первымъ ректоромъ ея. Это—тотъ, кого равно чтили и христіане и язычники. Древніе апологеты называли его „христіаниномъ до Христа“, думали, что его коснулась благодать Бога-Слова, и видѣли въ немъ самомъ какого-то пророка, *in partibus infidelium*, а въ твореніяхъ его—предвѣдѣніе и сѣнь грядущаго. Въ то же время, современные имъ неоплатоники именовали этого мужа не иначе, какъ „священнѣйшимъ“, „божественнымъ“ или „бого-вдохновеннымъ“; творенія же его были для нихъ своего рода священнымъ, каноническимъ Писаніемъ.

Вы поняли, конечно, что рѣчь идетъ о Платонѣ. Онъ, —да!—, онъ далъ имя нашей школѣ. Неужели она называется именно Академіей, а не Лицеемъ или Стоей или Уни-

¹⁾ Пробная лекція pro *venia legendi*, читанная въ Московской Духовной Академіи 17-го сентября 1908 года.

верситетомъ безъ причины?—Конечно нѣтъ. Вы знаете о несомнѣнной преемственности нашей духовной культуры отъ Платона. Своимъ именемъ мы признаемъ себя питомцами и той, Аѳинской Академіи. Разумѣется, въ этомъ признаніи нѣтъ ничего унижительнаго для христіанства. Развѣ христіане не бывали рождены языческими родителями. Такъ и мы—сыны древняго Пророка Атики.

Вотъ онъ, съ преклоненной задумчивою головою! Что—онъ: прислушивается ли къ горнимъ пѣснямъ иного міра? или, быть можетъ, какъ разъ въ этотъ моментъ его пріосѣняетъ невидимое благословеніе Грядущаго Слова? Ктѣ знаетъ. Но какъ послѣ бюста Платона и глаза не глядятъ на бюсты иныхъ мыслителей, такъ послѣ твореній его кажутся сѣрыми, грубыми и земными писанія ихъ. Какіе маленькіе они въ сравненіи съ этимъ провидцемъ-философомъ, безупречнымъ общественнымъ дѣятелемъ, чуткимъ воспитателемъ, вдохновеннымъ поэтомъ! Какію непонятною силою заклиалъ онъ слова своихъ писаній, что, по исходѣ тысячелѣтій, они все еще волнуютъ сердца страннымъ волненіемъ и жгутъ ихъ сладкою болью, и томятъ, и влекутъ въ еле-зримую, брежжущую въ холодныхъ пред-утреннихъ туманахъ даль? Чѣмъ-то мистериальнымъ благоухаютъ его священныя рѣчи, исполненные божественной маніи. Такъ пахнетъ освѣвшимъ на стѣнѣ ѳиміамомъ въ давно не отворявшихся храмахъ. И какими глубокими очами смотрятъ на читателя его странные миѳы. Ктѣ знаетъ, какой тайный смыслъ скрывается за ними? Вѣдь эсотерисмъ платоновой Школы такъ вѣроятенъ. Творенія философовъ значительно позднѣйшихъ давно ужъ пожелтѣли и высохли. Спаль ихъ нарядный уборъ, и стоятъ предъ сознаніемъ оголенные ихъ схемы, какъ мерзлыя деревья зимою. Но живы и будутъ жить эти притрепетныя Діалоги Платона. И нѣтъ такого человѣка, который, хотя бы одно время жизни своей, не былъ платоникомъ. Ктѣ, вѣдь, не испытывалъ, какъ растутъ крылья души? Ктѣ не знаетъ, какъ подымается она къ непосредственному созерцанію того, что отъ будничной сутолоки задернуто сѣрымъ покровомъ облакъ? Ктѣ съ помощью эроса не проникалъ въ недовѣдомыя разсудку глубины познанія? Кому не открывалась иная, лучезарная дѣйствительность, гдѣ, лицомъ къ лицу, вдохновенный встрѣчаетъ вѣчные про-образы вещей? Ктѣ не пере-

живаль, какъ рушится и падаетъ непроходимая стѣна между субъектомъ и объектомъ,—какъ Я выходитъ за предѣлы своего эгдистического обособленія, какъ открытою, широкою грудью вдыхаетъ оно горный воздухъ познанія и дѣлается единымъ со всѣмъ міромъ? Тѣ „прекрасныя, чистыя, отрѣшенныя отъ всего земного и какъ бы сотканныя изъ запаха цвѣтовъ и луннаго свѣта грезы любви, которыми теперь туманятся дни юности и которыя воспѣваются всѣми поэтами у всѣхъ образованныхъ народовъ“—развѣ грезы эти порождены не платонизмомъ? И развѣ „идеи“, „сущности“, „понятія“, „монады“, „личности“, которыми живетъ и движется философія,—не въ кровномъ родствѣ съ ученіемъ Платона? Идеализмъ,—въ широкомъ смыслѣ слова,—стихія философіи, и, лишенная этого кислорода, философія задыхается, а затѣмъ увядаетъ и гибнетъ. Европейская философія вышла изъ рукъ Платона.

Но отку́да самъ онъ взялъ свою мысль объ эросѣ, какъ познавательномъ началѣ философіи? Отку́да явилось у него представленіе о непосредственномъ касаніи къ самой сути вещей, къ ихъ таинственной душѣ? Какъ возникло это почти безграничное отождествленіе слова и мысли (Soph 263 e; Phaed 99 D, E)? Какъ мѣ путемъ пришелъ Платонъ къ своему царству во-истину-сущихъ, неизмѣняемыхъ, имматеріальныхъ, самихъ по себѣ прекрасныхъ, вѣчныхъ, находящихся въ „умномъ мѣстѣ“ образовъ сущаго, познавая которые въ эросѣ мы владѣемъ ключемъ къ отверженію всѣхъ тайнъ міра? И почему сѣдою древностью вѣетъ отъ этихъ концепцій философа? Почему онъ всегда современны? Это—темные вопросы. Но, кажется, менѣе всего справедливо обычное объясненіе, видящее въ платоновскихъ „идеяхъ“ „впостазированныя „понятія“ Сократа. „Сократъ, молъ, училъ о родовыхъ понятіяхъ; а Платонъ взялъ да превратилъ ихъ въ метафизическія сущности“. Какъ это просто!—и какъ это нелѣпо психологически!

Глубоко-уважаемые слушатели! Не стану излагать платоновскаго ученія: Вы и безъ меня знаете его. Но мнѣ кажется умѣстнымъ исполнить сыновній долгъ дальше,—глубже проникнуть въ „книгу родовъ“ нашей Школы. При этомъ я надѣюсь показать Вамъ корни платонизма, которыми онъ привлекаетъ къ себѣ почвенную влагу обще-человѣческихъ вѣ-

роvanій. Въ этой почвенности платонизма, мнѣ кажется и заята причина его вѣчности. Вѣдь Платонъ—не плодъ школьной философіи, а цвѣтокъ народной души, и краски его не поблекнутъ, доколѣ будетъ жить эта душа.

Вопросомъ „Откуда происходитъ платонизмъ“ спрашивается вовсе не то, какѣвы историческія вліянія и связи, обусловившія возникновеніе его. Выяснять историческія вліянія въ большинствѣ случаевъ дѣло столь безнадежно темное, что дѣлается оно посредствомъ многихъ насилій надъ исторіей. Но есть и иной смыслъ вопроса „откуда?“, а именно: „Изъ какихъ данныхъ сознанія? Гдѣ эти данныя проявили себя въ своей первичной грубости? Гдѣ они болѣе ярки?“.

Если Вы согласитесь на такую постановку вопроса, то отвѣтъ мой кратокъ и простъ. „Магія“—вотъ то единственное слово, которое рѣшаетъ платоновскій вопросъ. Или, если хотите болѣе современнаго слова, то это будетъ „окультизмъ“. Но не думайте, что я хочу говорить вамъ о чертяхъ или вѣдьмахъ. Меня, какъ историка, вопросъ о ихъ реальности нисколько не касается. Пусть нѣтъ лѣшихъ и русалокъ;—но есть воспріятіе ихъ. Пусть нѣтъ власти заклятій и заговоровъ;—но есть вѣра въ нее. Какъ мнѣ, такъ и Вамъ, данъ фактъ—міро-ощущеніе и міро-воззрѣніе мага. Этимъ-то фактомъ мы и обязаны заняться. Однако я не могу сейчасъ доказывать строго свой тезисъ о происхожденіи платонизма изъ магическаго міро-воззрѣнія непосредственнаго сознанія: это требуетъ цѣлаго изслѣдованія. Но я позволю себѣ уяснить свой тезисъ на нѣкоторыхъ фактахъ, и возьму при этомъ факты болѣе знакомые всѣмъ вамъ,—преимущественно изъ области русскаго фольклора.

Дѣло психологовъ рѣшить, міро-воззрѣніе ли мѣняется отъ измѣненій въ міро-ощущеніи, или, напротивъ, само міро-ощущеніе есть лишь производное отъ міро-воззрѣнія. Несомнѣнно тó, что существуетъ функціональное соотвѣтствие между идеями и внутренней жизнью,—между міро-воззрѣніемъ и міро-ощущеніемъ. Поэтому, чтобы понять внутреннюю жизнь древняго человѣка, чтобы проникнуть въ непосредственное міро-воспріятіе крестьянина, необходимо отрѣшиться отъ интеллигентскихъ взглядовъ, забыть о нихъ и, съ чистымъ сердцемъ, не очерствѣлымъ отъ предвзятыхъ схемъ и безчисленныхъ научныхъ теорій, всмотрѣться въ

этотъ новый душевный міръ. Для того же, кто не живетъ или не можетъ жить этою цѣльною жизнью, ключъ къ народному міро-созерцанію утерянъ навсегда. Понимать чужую душу—это значитъ перевоплощаться. Быть можетъ, самымъ близкимъ къ народному сознанію является моментъ гениальнаго озаренія поэта, когда снимаются грани мірового обособленія, когда онъ слышитъ

и дольней розы прозябанье,
и горнихъ ангеловъ полеть.

И напротивъ, нѣтъ ничего болѣе далекаго отъ народнаго, непосредственнаго сознанія, какъ тотъ духовный атомизмъ, который, какъ ракъ, изѣлъ и мертвитъ современную душу. Возьмите для примѣра ближайшую къ намъ область,—науку. Идеаль цѣльнаго знанія, столь ясно начертанный Платономъ, пересталъ вести науку даже въ качествѣ кантовской регулятивной идеи. Не Наукою, а науками, и даже не науками, а дисциплинами занято человѣчество. Случайные вопросы, какъ внушенное представленіе, вѣдаются въ сознаніе и, поработенное своими же порожденіями, оно теряетъ связь со всѣмъ міромъ. Специализація, моноидеизмъ,—губительная болѣзнь вѣка—, требуетъ себѣ больше жертвъ, нежели чума, холера и моровая язва. Нѣтъ даже специалистовъ по наукамъ: одинъ знаетъ эллиптическіе интегралы, другой—рагаторій, третій—химію какого-нибудь под-вида бѣлковъ и т. д.

Но еще замѣтнѣе это развѣдающее дѣйствіе душевнаго атомизма на другихъ областяхъ. Для многихъ ли природа не разлагается на ничѣмъ не связаннныя между собою землю, лѣсъ, поле, рѣку и т. д. Да и многіе ли за деревьями видятъ лѣсъ? Для многихъ ли „лѣсъ“ есть не только собирательное существительное и риторическое олицетвореніе, т. е. чистая фикція, а нѣчто единое, живое. Вы недоумѣваете на мой вопросъ? Но вѣдь реальное единство есть единство само-сознанія. Итакъ, спрашиваю, многіе ли признаютъ за лѣсомъ единство, т. е. живую душу лѣса, какъ цѣлаго, лѣснаго, лѣсовика, лѣшаго? Согласны ли Вы признать русалокъ и водяныхъ—эти души водной стихіи?—Видите, какъ различна внутренняя жизнь.—Но оставимъ природу. Посмотрите, какъ распались начала внутренней жизни: святыня, красота, добро, польза не только не обра-

зуютъ единого цѣлаго, но даже и въ мысляхъ не подлежатъ теперь сліянію. Современная святыня робка и жметса въ затаенный, ни для чего болѣе не нужный уголокъ души. Красота бездѣйствительна и мечтательна, добро ригористично, польза,—пресловутый кумиръ нашихъ дней—, нагла и жестока. Жизнь расплылась. Какой глубокой смыслъ въ томъ, что научная психологія—бездушная психологія: вѣдь и впрямь у людей нашего времени нѣтъ души, а вмѣсто нея—одинъ только психическій потокъ, связка ассоціацій, психическая пыль. День мелькаетъ за днемъ, „дѣло“—за „дѣломъ“. Смѣняются психическія „состоянія“, но нѣтъ цѣльной жизни. Если у души отрицаютъ субстанціальность, то это—вовсе не выдумка психологовъ, а дѣйствительное само-познаніе, содержаніе котораго сводится къ тому, что не бываетъ переживанія себя, какъ субстанціи, при современномъ распадѣ души. Но взгляните въ душу народную, и вы увидите, что тамъ—совсѣмъ не такъ. Медлительно и важно течетъ жизнь,—широкая и свѣтлая и свѣжая, какъ Волга, напоенная закатнымъ блескомъ и вечерѣющею прохладю—, и отдѣльныя струи ея, сплетаясь межъ собою, дружно текутъ и сливаются во-едино. Тутъ цѣлень чловѣкъ. Польза не есть только польза, но она—и добро; она и прекрасна, она и свята. Возьмите народную жизнь, хотя бы причитаніе надъ покойникомъ. Тутъ—и польза, и добро, и святыня, и слезная красота. Теперь сопоставьте съ этимъ причитаніемъ интеллигентскій концертъ, и Вы сами почувствуете, какъ онъ бѣденъ содержаніемъ. Знаніе крестьянина,—цѣльное, органически-слитное, нужное ему знаніе, выросшее изъ души его; интеллигентное же знаніе—раздробленно, по большей части органически вовсе не нужно ему, вѣдше взято имъ на себя. Онъ,—какъ навьюченны йскоть—, несетъ бремя своего знанія. И все, и все—такъ, въ особенности же—языкъ.

Народъ живетъ цѣльною, содержательною жизнью. Какъ нѣтъ тутъ непроницаемости, непреходимой стѣны изъ „вѣжливости“ между отдѣльными личностями, такъ и съ природою крестьянинъ живетъ одною жизнью, какъ сынъ съ матерью, и эти отношенія его къ природѣ тó—любовны, нѣжны и проникновенны, тó—исполнены странной жути, смятенья и ужаса, порою же—властны и своевольны. То подчиняясь природѣ, то подчиняя ее самъ, или же сожигательствуя ей,

какъ равный равной, онъ, однако, всегда открытыми глазами смотреть на всю тварь, дышать съ нею однимъ воздухомъ, грѣется однимъ солнышкомъ. Это—не сантиментальное воздыханіе по природѣ. Нѣтъ, это—на дѣлѣ жизнь съ нею,—жизнь, въ которой столько черной работы и житейской грубости, и которая, тѣмъ не менѣе, въ глубинѣ своей, всегда носить сосредоточенность и подлинную любовь. И потому, даже будничная жизнь,—среднихъ людей, проникнута какимъ-то непередаваемымъ трепетомъ поэзіи и сердечности. Возьмите любой Травникъ или Лечебникъ,—книгу, повидимому, чисто-утилитарную,—и сравните описаніе ея съ описаніями ботаникъ. Вы не сможете не поразиться тою нѣжностью, тою любовностью, съ какою говоритъ о травахъ народная фармакопея. Есть трава „тихоня“, говорится въ бѣло-русскомъ Травникѣ; „растетъ окала зелени, листички маленькія, маленькія рядышкымъ, рядышкымъ, твяточикъ сининькій. Растетъ окала земли, стелитца у разныхъ сторыны“.—Или послушайте благоговѣйное описаніе простого одувачника (мы, быть можетъ, и не замѣтили бы его!), какъ хрупкаго, живого и дорогого намъ существа: „Трава вездѣ растетъ по пожнямъ и по межнйкамъ и по протокамъ; листьѣ разстиляется по землѣ. Кругомъ листиковъ рубѣжки, а изъ нея на серединѣ стволикъ, тощій, прекрасенъ, а цвѣтъ у него желтъ; а какъ отцвѣтетъ, то пухъ станетъ шапочкою, а какъ пухъ сойдетъ со стволиковъ, то станутъ плѣшки; а въ корнѣ на листу и въ стволикѣ, какъ сорвешь, въ нихъ бѣленко“.

Травы, птицы, деревья, насѣкомыя, всякія растенія, всякія животныя, земля, вода,—каждая стихія вызываетъ къ себѣ непонятное, благоуханное сочувствіе. „Плевать въ воду—все равно, что матери въ глаза“. Зорить гнѣзда вообще не хорошо; обижать же безвредныхъ птицъ—тяжкій грѣхъ. Грача жалко убивать, потому что де очень ужъ онъ смиренъ: скворчика жалѣютъ за его пѣніе. „Надъ воробьемъ жалимся,—говорятъ крестьяне—, што близокъ къ намъ“. Собаки тоже не бей: и она была человѣкомъ, да обращена въ собаку за прожорливость. На что ужъ лягушка противна, а бить ее—грѣхъ. Мало того. Въ праздникъ Благовѣщенія покупаютъ пѣвчихъ птицъ и выпускаютъ ихъ изъ кѣтокъ, вѣруя, что онѣ замолятъ у Бога нѣсколько грѣховъ своему освободителю.

Бываютъ среди крестьянъ особенно жалостливые ко всему живому. Вспоминается одна женка: поидеть, бывало, мимо голубей—ей не утерпѣть, чтобы не вынести имъ горстки пшеницы. Всегда, сама не съѣстъ, а животныхъ накормитъ: прилучила къ себѣ собакъ, куръ и кошекъ съ сосѣднихъ дворовъ.

Народъ видѣлъ и, нерѣдко, видитъ ангеловъ въ травахъ, цвѣтахъ и птицахъ. „Есть трава именемъ Архангель,—говоритъ Травникъ—, собою мала, на сторонахъ по девять листовъ, тонка въ стрѣлки, четыре цвѣта: червленъ, зелень, багровъ, синь. Та трава вельми добра: кто ее рветъ на Иванъ-день сквозь золотую или серебряную гривну и та трава носить, и тотъ человекъ не боится дьявола ни въ ночь, ни злаго человека“. Голуби называются „Ангелами Божиими“; это—святая птица, убивать ее—великій грѣхъ. Пчела—„Божія угодница“,—„Божія скотинка“. Она—символь чистоты и водится только у людей праведныхъ и чистоплотныхъ, мирно живущихъ со своею семьею; извѣстно, что „пчела жалитъ только грѣшника“. А въ костромской губерніи и дѣтей научиваютъ: „Если Божія коровка (вслушайтесь въ самое названіе маленькаго жучка!)—если Божія коровка сядетъ на ручку, то ее не гони и не обижай, а подыми ручку пальчикомъ вверхъ и припѣвай:

„Божія коровка,
улетай на небо:
тамъ теплоенько,
здѣсь холодененько“.

и тогда она раскроетъ крылышки и улетитъ“.

Какая непроходимая пропасть отдѣляетъ это благоговѣіе предъ всѣмъ и гадливость ко всему, — гадливость, которая такъ трудно отдѣлима отъ интеллигентности!

Вся природа одушевлена, вся—жива,—въ цѣломъ и въ частяхъ. Все связано тайными узами между собою, все дышитъ вмѣстѣ другъ съ другомъ. Враждебныя и благотворныя воздѣйствія идутъ со всѣхъ сторонъ. Ничто не бездѣйственно: но, однако, всѣ дѣйствія и взаимодѣйствія вещей-существовдушъ имѣютъ въ основѣ — родъ телепатіи, внутридѣйствующее, симпатическое средство. Энергіи вещей втекаютъ въ другія вещи, и каждая живетъ во всѣхъ, и всѣ—въ каждой. Послушайте, какъ крестьянинъ разговариваетъ со скотиною, съ деревомъ, съ вещью, со всею природою: Онъ ласкаетъ, проситъ,

умоляетъ, ругаетъ, прокликаетъ, бесѣдуетъ съ нею, возмущается ею и, порою, ненавидитъ. Онъ живетъ съ природою въ тѣсномъ союзѣ, борется съ нею и смиряется предъ нею. Какая-нибудь былинка—не просто былинка, но что-то безмѣрно болѣе значительное, — особый мѣръ. И мѣръ этотъ глядитъ на другіе мѣры глубокими, завораживающими очами. Всѣ вещи взираютъ другъ на друга, тысяче-краты отражаютъ другъ друга. Всѣ вещи—центры исходящихъ тайныхъ силъ. Пересѣкаясь, сплетаясь, запутываясь, эти черные лучи, эти нити судебъ вяжутъ узлы—новые центры—, какъ бы новыя много-различныя манифестаціи природы, — то являющіяся, то исчезающія, то попадающія въ поле зрѣнія повседнежнаго, то заволакивающіяся отъ солнечнаго свѣта туманною дымкою, или исчезающія въ густой, какъ смола, тьмѣ ночи. Это—безчисленныя существа,—лѣсовыя, полевые, домовые, под-овинники, сарайники, русалки, шишиги или кикиморы и т. д. и т. д.,—двойники вещей, мѣсть и стихій, воплощенныя и безплотныя, добрыя и злыя нѣмина ихъ. Это,—предвосхищу дальнѣйшее—,чюпостасныя имена вещей, нѣмина ихъ. Это—знаменія судебъ ихъ, омина ихъ. Это — *Nimina-Nomina-Omina rerum*. Но, прежде всего, это — живыя существа. Они покровительствуютъ человѣку и враждуютъ съ нимъ. Они то возвращаются въ порождающія ихъ стихіи, растворяясь въ нихъ, и обезличиваются до простыхъ поэтическихъ олицетвореній этой стихіи, то снова выступаютъ изъ нихъ, снова надѣваютъ личину самостоятельности, говорятъ какими-то особыми, но порою человѣку понятными голосами,— быть можетъ, беззвучными телепатическими внушеніями, прямо въ душу—, требуютъ себѣ нищи, вершатъ житейскія дѣла, женятся и посягаютъ, ѣдятъ, пьютъ, спятъ, ссорятся, дерутся, хохочутъ и плачутъ, радуются и печалются, болѣютъ и умираютъ. Какъ по стѣнамъ невѣрныхъ тѣни угасающей лучины, мелькаютъ эти души и двойники вещей, мѣняются видомъ, выступаютъ изъ мрака и снова уходятъ, вырастаютъ и уменьшаются, дѣлаются отчетливыми и расплываются. Кажется, вотъ-вотъ сможешь запечатлѣть ихъ взглядомъ! Не нѣтъ! Они растаяли, и осталось обычное, обиходное, дневное. Отвернулся,—и снова они тутъ, прихотливые трелюдники, чудные проказники. Никто не можетъ точно описать ихъ, никто отвѣтливо не знаетъ, какія у нихъ лица; а иногда

они кажутся и вовсе безликими: у нихъ вмѣсто лицъ—зіяющая бездонность Ночи. Вся дѣйствительность переливается странными, фосфоресцирующими свѣтами,—углубляется новою, интеллигенту невѣдомою свѣто-тѣнью. Каждая вещь порождается болѣе, нежели она есть грубо-эмпирически. Отъ всего ждешь диковинъ. И ничего нельзя закрѣпить, утвердить окончательно. Міръ этотъ есть всегда-текущее, всегда бывающее, всегда дрожащее полу-бытіе, и за нимъ, за его,—какъ воздухъ надъ землею въ жаркій полдень—дрожащими и колеблющимися и размытыми очертаніями чуткое око прорѣываетъ иную дѣйствительность.

Вотъ, вѣтеръ кружится вдоль по дорогѣ, завивая снѣжные или пыльные столбы. Но это—не просто вѣтеръ. Это—вѣдьма празднуетъ свою нечистую свадьбу съ чортомъ. И въ этомъ легко убѣдиться. Брось ножъ въ этотъ вихорь;—ты увидишь, какъ его втянетъ туда, понесетъ, а потомъ онъ упадетъ, окровавленный нечистою кровію. „Окровавленный вихремъ“ ножъ—не просто ножъ. Имъ можно вырѣзывать слѣды, оттавленные молодлицей на снѣгу, можно творить инья неподобныя чары. Или еще: Надъ крышею вдовьяго дома разсыпались золотымъ дождемъ огненные искры. Но это—такъ же не простыя искры, какъ не простымъ былъ золотой потокъ, одождившій Данаю. Искры эти—змѣй-летунъ, оборачивающійся въ избѣ покойнымъ мужемъ хозяйки, вступающій съ нею въ плотскую связь и доставляющій ей деньги; отъ этого сочетанія женщины съ нездѣшнею силою родится,—ужъ конечно!—уродина, звѣро-образный ребенокъ, имѣющій какою-нибудь часть тѣла звѣриную. Да и одно ли только это?

Все,—все, что ни видитъ взоръ—, все имѣетъ свое тайное значеніе, двойное существованіе и иную, за-эмпирическую сущность. Все причастно иному міру; во всемъ иной міръ отображаетъ свой оттискъ.

О. Кристофоро Борри сообщаетъ про кохинхинцевъ, какъ миссіонеры хотѣли возразить имъ противъ ихъ потчиванія предковъ жертвами, указывая на тождественность мяса до и послѣ акта жертво-приношенія, но были посрамлены глубоко-мысленнымъ указаніемъ, что духи берутъ себѣ невидимую сущность мяса, а видимое вещество оставляютъ своимъ поклонникамъ. Это возрѣніе на двойственную природу всего въ мірѣ—возрѣніе все-человѣческое. Какъ каменный хрящъ известковымъ

растворомъ, весь быть пропитанъ и скрѣпленъ потустороннимъ. Нѣтъ просто вѣды, просто болѣзни, просто одежды, просто огня, просто жилья. Все—просто, и—не просто; все житейско, и—не житейско. Океанъ невѣдомаго бьетъ волнами въ обиходъ. Человѣкъ пускаетъ длинныя корни въ инныя почвы, нежели эта почва. Восприимчивость его обостряется, душа его становится чуткою и вѣщю, примѣчающую то,

что для другихъ неуловимо.

чего не замѣчаетъ расслабленная рефлексіей душа. Тайственное вростаетъ въ обиходъ, обиходъ дѣлается частью таинственнаго.

Нездѣшная сила срастворятся съ шелестами и шорохами ночи, съ воемъ вѣтра, съ гудѣніемъ лѣса, съ крикомъ ночныхъ птицъ, съ жизнью всей природы. Идешь ты вечеромъ надъ рѣкою: всплеснулась рыба; зашелестѣлъ дрездильникъ, зашумѣло что-то въ хвощахъ; выухоль бросился въ воду,—ну, совсѣмъ какъ мужикъ. Но ты напрасно успокаиваешь себя. Такъ и знай, что не спроста екнуло у тебя сердце: вѣдь это, конечно, дѣдушка-водяной „мырется“ въ черной влагѣ.—Или, вотъ, въ лѣсу заржало, заухало, захохотало,—да такъ, что листь съ дерева посыпался. А то,—бываетъ—, ровно ребенокъ жалобно заплачетъ и застонетъ кто-то въ лѣсу, завизжитъ и снова расхохочется. Или, еще,—тѣплина разложена средь чаши, и сидитъ подлѣ тѣплины той мужичина такой. Какъ схватить рукою всю теплину,—кусть мужжаковый горящій—, да станеть бѣгать по лѣсу! Ну, натерпишься тогда страху. Что жъ? неужто ты усумнишься и не подумаешь на лѣсного? Попробуй скрикнуть пошибче. Если крикъ твой отдастся, то такъ и знай, что это: либо чортъ аукается, либо откликается какой лѣсовой, полевой или рѣшной.

Воровскою тѣнью таинственная сила проскальзываетъ за обыкновеннымъ, прикрывается повседневнымъ, стелется вдоль по естественному. Ея и не примѣтишь сперва, и только сердце-вѣщунъ,—„почему-то“!—, застучитъ сильнѣе. И молитвы „они“ не боятся: вѣдь они—не то, что черти,—не злая сила. Молитва имъ нипочемъ. Боятся же они лишь скверныхъ черныхъ ругательствъ,—чертыханія да матерняго слова. Притаившись за здѣшнимъ, иная сила порою, какъ бы невзначай, кажетъ себя;—встанеть вдругъ, вытянется во весь ротъ, гаркнетъ:

„Вотъ я!“, а потомъ снова скоронится непримѣтно, и только сердцу будетъ словно не по себѣ.

Однако, у крестьянина, средняго, это міро-ощущеніе не развивается до конца. Есть множество тайнъ, которыя онъ принимаетъ по-просту, довѣрчиво, и мудро не любопытствуетъ о нихъ далѣе, смиряется передъ невѣдомымъ, молчитъ, или отвѣчаетъ случайно-подвернувшимися мифами. Этихъ *legendes des origines*—великое множество, но все они, по своей наивной символичности, представляютъ выразительное противорѣчіе съ глубокими переживаніями и наблюденіями тѣхъ же людей въ другихъ областяхъ. Отчего появились кочки?—„Чортъ блѣвалъ“. Откуда произошла нечистая сила?—„Адамъ народилъ много дѣтей и постыдился показать ихъ Богу. Тогда они и обратились въ нечистую силу“. Откуда взялись лягушки?—„Родители проклинали своихъ дѣтей „за благость“, т. е. за крикъ;—проклятые и сдѣлались лягушками“. И такъ далѣе—безъ конца. Киты, на которыхъ стоитъ земля, звѣрь Индрикъ, великорыбіе—огнеродный змѣй Елеафалт, Стратимъ-птица, баснословный Китоврасъ и др.—тутъ мы имѣемъ дѣло, конечно, не съ чѣмъ инымъ, какъ съ Кантовскими „предѣльными понятіями“, съ „вещами въ себѣ“, о коихъ не должно спрашивать, но въ существованіи которыхъ невозможно сомнѣваться. Однако, эти *Grenzbegriffe* необходимо разлагаются, лишь только мы начинаемъ анализировать ихъ. Невѣдомое нисколько не томитъ средняго крестьянина, да, можетъ быть, эта уравновѣшанность и болѣе мудра, нежели страдальческая пытливость и фаустовскіе порывы.

Вѣдь мы осуждаемъ жадность въ пищѣ. Но почему жъ, въ такомъ случаѣ, необузданное удовлетвореніе другой естественной потребности—познанія—не считается порокомъ? Обуздывать жадность въ познаніи есть такая же добродѣтель, какъ полагать предѣлъ похотямъ плоти.

Но есть и среди крестьянъ отдѣльные люди, которымъ вѣдомо и ведовѣдомое. Они—вѣдуны и вѣдуньи, вѣдьмаки и вѣдьмы, ибо они вѣдаютъ по преимуществу; они знахари и знахарки ибо они знаютъ по преимуществу. Одни изъ нихъ такъ и отродились, нарочито отзывчивые на каждую вибрацію міра; другіе достигли вѣдѣнія посредствомъ внутренней аскезы или благочестія и созерцатель-

ной жизни. Третьи вступили въ союзъ съ темною силою, поработились нечисти, подталкиваемые несчастіями, гнѣвомъ, или страстью. Одни пользуются своимъ вѣдѣніемъ во благо, другіе во зло. Но всѣ они, добрые и злые, прирожденные и выученные, переживаютъ такіа времена, когда видятъ, слышать и всячески воспринимаютъ то, что незримо и непостижимо всѣмъ прочимъ. Всѣ они живутъ двойною жизнью. Предъ всѣми ними отверзаются настежь двери потусторонняго. Всю силу своей воли сосредоточивая на одномъ желаніи, заклинатель наполняется этимъ желаніемъ, самъ становится воплощеніемъ единаго акта воли. „Воля къ дѣйствію“ отдѣляется отъ него, выходитъ за предѣлы его ограниченности, вступаетъ въ активное взаимодѣйствіе съ волями природныхъ вещей-существъ. Она—дѣйственный духъ среди другихъ духовъ, центръ мистическихъ силъ среди другихъ центровъ. Онъ борется съ природою и вступаетъ съ нею въ союзъ; побѣждаетъ ее и бываетъ побѣждаемъ. Онъ—уже не человѣкъ, не просто субъектъ, для котораго міръ есть просто объектъ. Нѣтъ тутъ ни субъекта, ни объекта. Теряется это различіе въ дружественномъ или враждебномъ слитіи со природою, въ этомъ объятіи или въ этой схваткѣ съ тайными силами. Онъ—часть природы; она—часть его. Онъ вступаетъ въ бракъ съ природою, и тутъ—намекъ на тѣснѣйшую связь и почти нераздѣлимую сліянность между оккультными силами и метафизическимъ корнемъ пола. Двое становятся однимъ. Мысли мага сами собою вливаются въ слова. Его слова—уже начинающіяся дѣйствія. Мысль и слово, слово и дѣло—нераздѣльны,—одно и то же, тождественны. Дѣло рождается само собою, какъ плодъ этого брачнаго смѣшенія кудесника и природы. Вѣдь даже въ обычномъ, „дневномъ“ сознаніи нельзя только мыслить, нельзя мыслить безъ словъ. Мысль сама собою заставляетъ извѣстнымъ образомъ напрягаться наши голосовыя связки, сама собою заставляетъ насъ внутренне произносить мыслимое слово. Мыслить,—по выраженію полинезийцевъ, рьяно защищаемому М. Мюллеромъ—, это значитъ „говорить въ животѣ“, т. е. беззвучно артикулировать. Стоить немного забыть, и вы будете произносить вслухъ; ваша артикуляція выявится въ звукъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мысль есть и начало дѣйствія. Когда вы обдумываете что-нибудь, вы неиз-

бѣжно готовитесь начать рядъ дѣйствій, такъ или иначе напрягаете мышцы. Чѣмъ напряженнѣе желаніе, чѣмъ непосредственнѣе сознаніе, тѣмъ ближе другъ къ другу мысль, слово и дѣло. Въ экстазѣ магическаго творчества, упоеннн міро-творческою властью нѣтъ границы между ними. Одно есть другое. Огненною лавою течетъ изъ устъ заклинаніе и, ударяясь о вещи, плавить ихъ и отливааетъ въ новыя формы, даваемая кудесникомъ. Кто имѣлъ дѣло съ гипнозомъ, тотъ хорошо знаетъ это состояніе, когда слово, даже желаніе, осуществляется безъ промежуточныхъ звеньевъ; но еще лучше знаетъ его тотъ, кто дѣлалъ опытъ съ движеніемъ тѣла по приказу словесному или мысленному, когда нечеловѣческое „да будетъ“ претворяетъ дѣйствительность. когда

mens agitat molem;

и тотъ пойметъ, что активность кудесника — это нѣчто совсѣмъ, совсѣмъ иное, нежели обычное, пассивное воспріятіе міра.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Павелъ Флоренскій.
